

DOI 10.47309/2713-2358_2021_1_75

УДК 316.35.023.4

JEL J12

**ДИСФУНКЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И НЕГАТИВНАЯ
ДЕВИАНТНОСТЬ КАК
ТЕНЕВАЯ СТОРОНА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ**

Комлев Юрий Юрьевич

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

**DYSFUNCTIONS OF THE FAMILY INSTITUTION AND NEGATIVE
DEVIANCE AS THE DARK SIDE OF FAMILY LIFE**

Komlev Yuri Yurievich

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

Аннотация: В статье рассматривается семья как социальный институт, функционирующий в реалиях эпохи постмодерна. Делается акцент на дисфункциях института семьи и девиантных проявлениях этих дисфункций в семье. Показываются основные формы и последствия девиантности в семье.

Summary: The article examines the family as a social institution functioning in the realities of the postmodern era. The emphasis is made on the dysfunctions of the institution of the family and the deviant manifestations of these dysfunctions in the family. Shows the main handicaps and consequences of deviance in the family.

Ключевые слова: дисфункция, семья, девиантность, семейное насилие, постмодерн.

Key words: dysfunction, family, deviance, domestic violence, postmodern.

Семья - универсальный институт, несмотря на то, что формы брака и семьи как продукты культуры существенно отличаются в разных социумах и на разных этапах исторического процесса. Универсальность семьи обеспечивается тем, что она реализует ряд специфических функций, удовлетворяющих базовые потребности людей, что обеспечивает выживание и сохранность любого общества. Это, прежде всего, репродуктивная, экзистенциальная функция и функция социализации. Неспецифические функции семьи позволяют ей приспособливаться к определенным историческим условиям. Они связаны с накоплением и передачей собственности, статуса; организацией потребления, отдыха и досуга; с заботой о здоровье и благополучии. Специфические и неспецифические функции семьи не теряют своего значения и в условиях стремительной трансформации и турбулентности социума эпохи постмодерн.

Р. Мертон, как известно, показал, что полное функциональное единство, в том числе института семьи, противоречит социальной реальности. То, что функционально для одного социального контекста, может быть дисфункционально для другого, и наоборот. Дисфункция означает то последствие, к которому не стремились и которого не ждали в результате социального действия. В итоге невыполнение, ненадлежащее исполнение, недостаточность ресурсов для выполнения функции семьи оборачивается

дисфункциональностью семьи как социального института. Девиантологи, используя структурно-функциональный подход, концентрируются, прежде всего, на дисфункциях и социальных проблемах семьи; выясняют то, какой взнос они делают в феноменологию семейной девиантности.

Как известно, в мире постмодерна социум и государство все в большей мере оказывают помощь семье в процессе воспитания и социализации подрастающего поколения, в решении хозяйственно-бытовых вопросов и рекреации, в реализации других ее специфических и неспецифических функций. Массовая нуклеаризация семейной жизни в условиях урбанизации и глобализации приводит к относительной изоляции нуклеарной семьи в отличие от расширенной. В итоге ее члены не могут рассчитывать на помощь большого числа родственников в вопросах материальной или эмоциональной помощи. Отсюда нуклеарные семьи нередко дисфункциональны в плане «эмоциональной перегрузки» в случае потери работы, или иного стресса, на фоне которой снижается эффективность рекреации и семейной поддержки.

Моногамный секс на определенных стадиях жизненного цикла семьи или при определенных условиях, например, при развитии гедонистической культуры свободного секса нередко ведет к такой дисфункции как секс вне брака, особенно за деньги (проституция). Косвенно, дисфункциональность семьи в части неудовлетворенности при реализации сексуальных потребностей характеризует рост масштабов проституции в России. По данным аналитиков мобильного приложения NumBuster в конце 2017 года насчиталось 4,5 млн. телефонных номеров, связанных с предложением секс-услуг. Численность женщин, занятых в российской секс-индустрии, сегодня сравнима с численностью работников ЖКХ (около 3 млн. человек).

Дисфункцией семьи выступает и отказ от помощи престарелым и больным членам семьи, принудительная изоляция их в соответствующих социальных учреждениях. Другим примером дисфункции института семьи в вопросах социализации и неформального социального контроля выступает девиантная социализация детей. Среди подростков немало ретретистов и искейперов и не только из материально неблагополучных семей, которые реализуют стратегию ухода, бегства из семьи и социализируются на улице в «дурных» уличных компаниях, в киберпространстве Интернета, социальных сетях как девианты. Неслучайно в России регистрируется «армия» детей-беспризорников (около 2 млн.). У детей из неблагополучных семей значительно чаще встречается: нарушение нормального общения со сверстниками; неадекватность самооценки, снижение способности самоанализа и социально-психологической адаптированности; неразвитость чувства эмпатии, делинквентность и негативная девиантность [Беседин, 2002].

Чрезмерная артикуляция функции обеспечения благосостояния супругами в двухкарьерной семье приводит нередко к такой дисфункции как отчуждение детей и родителей, а также супругов между собой, что часто у мужчин и женщин сопровождается развитием алкоголизма или чревато фактами суицидального поведения.

Относительная изоляция нуклеарной семьи создает предпосылки и для

таких проявлений девиантности как инцест, бытовое и сексуальное насилие. Там, например, в Старом свете, где перечисленные выше дисфункции семьи особенно заметны, постоянно растет молодежная преступность, экстремизм и суицидальное поведение среди подростков [Филлипс Ч. Томас, 2002, с. 144].

Дисфункции института семьи имеют печальным следствием и проблемы с репродукцией, ведут к разводам и материнской депривации. Так, рост числа разводов – в определенном смысле индикатор дисфункциональности института семьи.

На протяжении многих веков брак на Западе, да и России был практически нерасторжимым. Разводы допускались лишь в особых случаях, таких, например, как неспособность к нормальным брачным отношениям. И сегодня в Испании, Ирландии не признается право на развод. Между тем в большинстве развитых обществ разводы легализованы.

В последнее время число разводов в постиндустриальных обществах заметно увеличилось. Так, в Великобритании отмечен рост с 3 человека на 1000 состоящих в браке в 1961 году до почти 12 человек на 1000 в 1981 году. При этом 40% заключаемых браков, считают социологи, скорее всего, закончатся разводом. Наиболее уязвимой семья оказывается в первые 4 года (38% разводов), когда формируется ее модель (распределение власти, авторитета, обязанностей), возникают первые конфликты [Гидденс, 1999].

Уровень разводов в России в 50, 60, 70-е годы прошлого века постоянно рос. Максимум был достигнут в 1979 г. — 594 тыс. разводов. В 80-е годы число разводов оставалось практически неизменным, но с началом перестройки баланс был снова нарушен, социальное положение граждан пошатнулось, и в 1991 г. число разводов увеличилось и составило 598 тыс. По данным переписи населения в РФ в 1989 году на 1000 человек приходилось 72 развода. В 2010 году на каждую 1000 человек было зарегистрировано уже 98 разводов [Итоги Всероссийской переписи. Электр. ресурс].

Заметим, что возросшая доля разводов отражает не только рост семейной дисфункциональности. Браки распадаются и по другим причинам. В условиях постмодерна стало гораздо больше психологических и социально-экономических источников конфликта, либерализация в брачно-семейной сфере изменила мир ценностей и представлений супругов, возросли индивидуальные требования к браку и семейной жизни, особенно у женщин, которые значительно чаще мужчин подают на развод. Социальные приоритеты изменились и в общественном мнении. Отношение в обществе к разводам стало более толерантным и расторжение брака нередко рассматривается как адекватная реакция на его не успешность.

Брак, тем не менее, остается популярным институтом и 2/3 разведенных в конце концов вновь приступают к совместной жизни. Рост числа разводов закономерно привел к увеличению доли семей с одним родителем. Изменилась и численность повторных или серийных браков между разведенными. Стало больше семей с детьми, в которых один или оба родителя были разведены.

Негативная девиантность в семейной жизни. Есть, увы, вещи, в жизни семьи о которых не принято говорить. Темная сторона семейных отношений

связана с дисфункциональностью института семьи и, как следствие, проявлениями негативной девиантности, среди которых широко распространены: домашнее насилие (избиения), жестокое обращение с детьми, отклонения в сексуальном поведении (инцест и др.) [Комлев, 2020, с. 78-81].

Домашнее насилие определяется как физическое наказание, принуждение одним членом семьи другого или других, как правило, детей или женщин. Для изучения домашнего насилия, социологи используют неформализованные интервью и нарративный анализ. Опросы показывают, что насилие в семье имеет явную гендерную специфику: женщины намного чаще, чем их мужья обращаются за медицинской помощью в результате побоев. Насилие в отношении женщин, живущих в браке или сожительстве, обычно связано с агрессивностью и пьянством мужей, которые полагают, что имеют право на силовое наказание и подчинение женщин. Транскрибирование текстов нарративов показывает, что когда мужчины разочарованы в отношениях или возникают серьезные разногласия или конфликты, другие веские причины, то, они, пользуясь силой, прибегают к девиантным поступкам в отношении жен или сожительниц, полагая, что их жертвы не дадут делу огласку.

Жестокое обращение с детьми и сексуальное насилие. Из интервью покупателя, осматривавшего дом, выставленный на продажу: «Хозяйка жилья, которую соседи и прежде уличали в жестоком обращении со своим нездоровым ребенком, показала весь свой дом, который был прибран и неплохо обставлен. Внимание покупателя привлекла коробка из фанеры в спальне мальчика. Коробка была с маленькими отверстиями и имела маленькую дверь с висячим замком. Из любопытства возник вопрос: «Что это такое?» Женщина, как ни в чем не бывало, ответила, что у ее сына проблемы с поведением, и она запирает его тут время от времени. Она также добавила, что ранее с мужем привязывала сына к кровати или запирали надолго в кладовой....Ничего не помогало...». Подобных историй не мало.

Общепринятая социальная норма состоит в том, что родители должны любить, защищать и воспитывать детей. Однако, так бывает не всегда. Беспомощные дети, зачастую нездоровые физически или с расстройством психики, нередко становятся жертвами своих бессердечных родителей или старших детей в семье. Имеют место случаи, когда дети подвергаются и сексуальному насилию. Так, сожитель одной женщины из материнской семьи избил и изнасиловал девочку-подростка, пока ее мама была на работе, отчего девочка оказалась в коме. При этом большинство случаев жестокого обращения с детьми и насилия над ними очень латентны и остаются тайной. По свидетельству Джеймса Хенслина, семейное насилие над детьми весьма распространено в США. Каждый год 3 миллиона детей по официальной статистике (статистике заявлений), являются жертвами домашнего насилия. Около 1 миллиона из этих случаев подтверждаются в ходе проверок органов опеки [Henslin, 2004, с. 347]. В Великобритании дом – это одно из самых опасных мест, поскольку в стране из четырех убийств одно – совершается в семье [Гидденс, 1999, с. 386].

Почему в мире постмодерна так распространена негативная девиантность

в форме семейного насилия? С этим связано несколько факторов. Наряду с дисфункциями семьи, как социального института, исследователи-девиантологи в один ряд с ними ставят и социально-психологические причины. Одна из них состоит в сочетании интенсивной эмоциональности и интимности, характерных для семейной жизни. Семейные узы обычно неотделимы от сильных эмоций и в них нередко смешиваются любовь и ненависть. Домашние ссоры даже из-за незначительных событий могут вызвать приступы агрессии, которая в другом социальном контексте была бы маловероятной. Так, мужчина, терпимо относящийся к странностям других женщин, может впасть в ярость, если его собственная жена слишком откровенничает с подругами по поводу подробностей его интимной жизни с супругой. Другой фактор связан с терпимостью и даже одобрением в массовом сознании семейного насилия, поскольку в обществе все еще распространена точка зрения, что у родителей есть «право на битье» детей, а брачный союз — это контракт «с правом на битье», чтобы поучать строптивых жен.

Семейное насилие как проявление негативной девиантности — острая социальная проблема современности. Зарубежные исследования показывают, что насилие в семье отражает склонность к насильственным действиям вообще. Многие мужья, физически оскорбляющие своих жен и детей, замечены в насилии и при других обстоятельствах. Так, в исследованиях Джеффри Фэгана, по свидетельству Энтони Гидденса, установлено, что более половины мужей, регулярно избивавших своих жен, совершали насильственные акты и по отношению к другим людям. Более 80% из них, были, по крайней мере, один раз под арестом в связи с насилием несемейного характера [Гидденс, 1999, с. 386]. К этому же выводу приходят и отечественные специалисты [Егорышев, 2020, с. 168-195].

Инцест. Сексуальные отношения между близкими родственниками (например, между братьями и сестрами или между родителями и их детьми) называются инцестом. Проявления кровосмешения в современном мире считаются негативной девиантностью, хотя о них известно, начиная с матриархата. В настоящее время в постиндустриальных странах инцест осуждается на уровне общественной морали, а в ряде стран запрещен и наказуем как уголовное преступление.

Инцест чаще всего бывает в социально закрытых семьях. Его жертвами нередко становятся юные девушки, почти дети. Немногими исследованиями установлено, что принуждением к сексу чаще других занимаются дяди, двоюродные братья, отчимы — взрослые мужчины из ближайшего окружения.

Очевидно, что сексуальная эксплуатация детей и женщин со стороны взрослых мужчин в семье — это центральная проблема, формирующая в последующем психику и опыт жизни немалого числа женщин, подверженных сексуальной виктимизации. В России инцест прямо не криминализован. Его масштабы и последствия изучены недостаточно в силу высокой латентности. Хотя на протяжении последних лет инцест стал объектом девиантологических и криминологических исследований [Дерягин, 2008, с. 414-422].

Без научного осмысления этой сложной девиантологической проблемы не

выстроить социально эффективную систему профилактики, не преодолеть негативную девиантность как темную сторону семейной жизни. Впрочем, это предмет специальных междисциплинарных девиантологических исследований криминологов и специалистов по социологии и психологии семейной жизни.

Список литературы:

1. Беседин А. А. Дисфункциональная семья как фактор девиантного поведения несовершеннолетних: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук (22.02.04). Харьков, 2002. С. 5-14.
2. Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 1999. С.5-507.
3. Дерягин Г. Б. Криминальная сексология. Курс лекций для юридических факультетов. М.: Московский университет МВД России, Изд-во «Щит», 2008. 552 с.
4. Егорышев С. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних в Республике Башкортостан // Межнациональная семья в полиэтничном обществе: региональный и глобальный контекст: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (13 ноября 2020 г., Уфа) / Отв. Ред. Ф. Б. Бурханова. Уфа: Первая типография, 2020. 280 с.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>
6. Комлев Ю. Ю. Основы социологии семьи: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2020. 422 с.
7. Филлипс Ч. Томас феминизм и семья: историко-социологический анализ / Под ред. А. И. Ситонова. М.: Грааль, 2002. 176 с.
8. Henslin, James M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach. 5th ed. – Boston: Allyn and Bacon, 2004. 204 p.

References:

1. Besedin AA Dysfunctional seven as a factor of deviant behavior of minors: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences (22.02.04). Kharkov, 2002, pp. 5-14.
2. Giddens E. Sociology. M.: URSS, 1999, pp. 5-507.
3. Deryagin GB Criminal sexology. A course of lectures for law schools. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Shchit Publishing House, 2008, 552 p.
4. Egoryshev S. V. Crimes against family and minors in the Republic of Bashkortostan // Interethnic family in a multi-ethnic society: regional and global context: Materials of the All-Russian scientific-practical conference (November 13, 2020, Ufa) / Ed. Ed. F.B. Burkhanova. Ufa: First Printing House, 2020, 280 p.
5. The results of the All-Russian population census in 2010 [Electronic resource]. URL: [http // www.gks.ru](http://www.gks.ru)
6. Komlev Yu. Yu. Fundamentals of family sociology: textbook. Kazan: KUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, 422 p.
7. Phillips C. Thomas Feminism and Family: Historical and Sociological Analysis / Ed. A.I.Sitonova. M.: Graal, 2002. 176 p.
8. Henslin, James M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach. 5th ed. - Boston: Allyn and Bacon, 2004. 204 p.

Сведения об авторе:

Комлев Юрий Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, 420011, г. Казань, Магистральная 35, E-mail: levkom@list.ru

Author's personal details:

Komlev Yuri Yurievich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 420011, Kazan, Magnistralnaya 35, E-mail: levkom@list.ru